

ОСУЩЕСТВЛЕНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО ЦИФРОВОГО НЕРАВЕНСТВА

IMPLEMENTATION OF POLITICAL COMMUNICATION IN A GLOBAL DIGITAL DIVIDE

In the article is the impact of the «digital divide» in the implementation of an effective political communication analyzed and the concept of «digital divide» disclosed.

В статье проанализировано влияние «цифрового неравенства» на осуществление эффективной политической коммуникации, а также раскрыто суть понятия «цифровое неравенство».

Информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) стали мощным инструментом глобальных общественных изменений, влияющих на деятельность демократических институтов, в результате этого, важно обратить внимание на неоднозначный характер политических последствий для развития сферы социальных связей индивида. Рост цифрового неравенства, который связывают исключительно с технологическим отставанием одних слоев общества (государств) от других, влияет на процесс «включения» граждан в политический процесс, который осуществляется с помощью современных информационно-коммуникационных средств.

Дальнейшее усиление информационного разрыва может привести к «исключению» определенных слоев общества из процесса политических коммуникаций, и автоматически ставит под сомнение возможность практического и эффективного воплощения принципов «народного суверенитета». В то же время государство заинтересовано в максимальном включении ее граждан в формализованные процессы политических коммуникаций, потому что «исключения граждан» может привести к усилению недовольства в обществе и социальной напряженности.

* кандидат политических наук, ассистент кафедры международной информации Института международных отношений Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Цифровое неравенство или информационное неравенство (от англ. digital divide) означает ограничение возможностей социальной группы или страны из-за отсутствия у них доступа к современным средствам коммуникации. В русском языке не сложилось единого эквивалента устойчивому понятию «digital divide», поэтому используются словосочетания «цифровой барьер», «цифровое неравенство», «цифровой разделение», «цифровой разрыв», «цифровая пропасть», «информационная пропасть».

Сейчас «digital divide» является термином, который имеет оттенок социально-политического характера потому, что из-за ограничения доступа к телевидению, Интернету, телефонной связи (мобильной и стационарной) или радио социальная группа или индивид теряют возможности поиска работы, налаживания социальных связей, что отрицательно влияет на экономическую эффективность государства, развитие и сохранение культуры, общий уровень образования. По мнению М. Кастельса [1], современная глобальная тенденция развития мира заключается в том, что к сети информационной экономики привлечены социумы, которые представляют для нее ценность (тем самым они обладают дополнительной стоимостью) и находятся за ее пределами те социумы, которые не обладают такой ценностью (тем самым еще больше уменьшаются их шансы получить какую-нибудь стоимость).

Авторами работ, которые разработали методологическую основу исследований информационного общества, являются Д. Белл, П. Дракер, Н. Луман, М. Маклюэн, М. Кастельс, Ю. Хаяши, Э. Тоффлер, А. Турен. Теорию информационного общества также разрабатывали такие известные ученые как Р. Катц, Й. Масуда, М. Порат, Т. Стоуньер. Проблемы функционирования Интернета как политического института исследуют зарубежные ученые А. Абрамсон, Ф. Артертон, К. Орден, П. Джарвис, украинские исследователи С. Кашавцева, В. Королько, Т. Рудницкая, Е. Макаренко, А. Силенко, Д. Дубов. Влиянию Интернета на политический процесс посвящены работы Е. Коррадо, Х. Рейнгольда, Ч. Фаерстона. Интернет как фактор общественных трансформаций анализируется

российскими учеными Г. Вайнштейном, А. Чугуновым. Политически активную роль информационных технологий в децентрализации и демократизации жизни современного поколения раскрывают Дж. Гэлбрейт, Ф. Фукуяма, Л. Лейдесдорф [1-12].

В научной литературе политическое развитие определяется как «нарастание способности политической системы приспособиться к социальным условиям, которые изменяются, при сохранении и увеличении возможностей для элит и рядовых граждан выполнять свои специфические функции в деле управления обществом и государством» [13]. В связи с этим выделяют два типа политических изменений:

1. нарушение соотношения элементов, обеспечивающих равновесие системы, не затрагивает основные структуры общества и власти, т.е. при изменении лидеров, правительства, отдельных институтов не происходит изменение базовых ценностей, норм и способов организации власти;

2. трансформация основных элементов системы, базовых институтов, норм и коммуникаций содействует качественному изменению системы.

Таким образом, политическая система должна быть способной удовлетворять интересы социальных групп, положение которых может изменяться в связи с территориальным перемещением, ростом уровня образования, улучшением профессиональной подготовки и т.д. [14]. При этом эффективность власти напрямую зависит от средств информационного обмена, установления и поддержания постоянных связей между ее субъектами, поскольку власть невозможно представить без опосредованных форм общения и специальных средств связи между различными носителями власти, а также между государством и обществом.

Проблемы политического развития стран в переходных условиях нашли отражение в теории модернизации, что является, за В. Пугачевым и А. Соловьевым [13, 15], совокупностью различных схем и моделей анализа, раскрывающих динамику преодоления отсталости традиционных государств. Отмечая множество подходов к описанию переходных процессов, следует

заметить, что у них есть и общее: все они признают неравномерность общественного развития, а также необходимость преобразования (модернизацию) отсталых стран на страны индустриальные (постиндустриальные).

Учитывая факторы, осложняющие проблему цифрового неравенства, а именно: низкий материальный уровень жизни в развивающихся странах; отставание этих стран от современной коммуникационной инфраструктуры; низкий уровень образования населения и, как следствие, нехватка необходимых для развития и использования ИКТ квалифицированных специалистов; языковой барьер, то можно сделать вывод, что в ближайшие годы информационное общество для одних стран станет реальностью, а для других - только ориентиром развития [2]. Таким образом, проблема цифрового неравенства приведет к углублению других видов неравенства - экономического, социального и культурного.

По мнению западных исследователей [10], которые прогнозируют социальные изменения, вызванные развитием сетевых средств связи, ожидается:

1. ускорение темпов политических, экономических, религиозных и культурных перемен в государстве или регионе за счет скорости распространения информации;
2. уменьшение достоверности в связи с тем, что быстрота и легкость передачи и воспроизведения всех видов информации приводит к соблазну искажать данные; из этого следует также проблема соблюдения авторского права;
3. расширение возможностей компьютерной преступности;
4. уменьшение аудитории телевидения, но увеличение популярности радиостанций; газеты теряют как воздействие на читателей, так и прибыль от рекламодателей;
5. увеличение количества баз данных о жизни рядового гражданина, что приведет к потере индивидуальной и личной свободы, но будет

способствовать росту стоимости таких баз данных. Вместе с тем нельзя не учитывать, что благодаря этим цифровым «отпечаткам пальцев» можно быстро собирать огромное количество данных медицинского, демографического, политического и социального характера, отыскивать и задерживать преступников, осуществлять контроль над эпидемиями и т.д.;

6. углубление разрыва между лицами, которые владеют коммуникационными навыками и являются конкурентоспособными на рынке труда и лицами, которые подобных навыков не имеют, что может способствовать появлению новой формы изоляции индивидов, которые сформируют в обществе отдельную социальную группу;

7. рост количества рабочих, которые работают дома с помощью персональных компьютеров, приводит как к уменьшению транспортных расходов, повышению общественной стабильности, так и к обострению проблем социальной защиты (медицинское страхование и пенсионное обеспечение) и психологической нагрузке как на индивида, так и на его семью за счет сокращения общения.

Анализируя особенности влияния информационной революции на политическую сферу, можно отметить, что политически значимые проблемы, возникающие в результате информационно-коммуникативной революции, очень разные и внутренне противоречивы. Так, быстрое развитие электронной коммерции и возникновение в связи с этим миллионов новых рабочих мест входит в противоречие с традиционными инструментами государственного регулирования экономики. Следствием свободы выбора и самореализации в виртуальном пространстве стал упадок моральных устоев общества. Эти и другие проблемы характеризуют политическое измерение глобальных коммуникаций в той мере, в которой они требуют новых подходов в сфере политического регулирования, сложных публичных решений, совместных усилий общественных и государственных институтов на национальном и межгосударственном уровнях.

Политические последствия электронной экспансии не могут оцениваться однозначно. С одной стороны, широко распространяются идеи и образы «цифровой политики», «цифровой демократии», «цифрового политического пространства», которые реализуются через развитие электронной коммерции, становление массового и сетевого общества и т.д.. С другой стороны, прогнозируется неизбежность сверх централизации власти, монополизация информационного пространства, контроль над индивидуальным сознанием, тотальное использование манипулятивных методов, усиление культурного империализма и укоренения медиакратии (уничтожение в ближайшем будущем всех исторических завоеваний демократии) [15].

Проблема «цифрового неравенства» начала рассматриваться после публикации в июле 1999 года в США результатов исследования об использовании телекоммуникационных технологий в государстве. Доклад, подготовленный Министерством торговли США назывался «Провал в сети: установка цифрового неравенства» [16], содержала статистические данные о существовании неравенства среди граждан США в сфере использования информационных и телекоммуникационных технологий на основе экономических, расовых и других демографических различий.

Развитие сети Интернет и ИКТ содействовало смещению акцента на технологическое неравенство между странами, что способствовало дальнейшему углублению экономического и социального неравенства, результатом чего стал рост нестабильности в мире. Для преодоления этих проблем на международном уровне в июле 2000 года в Окинаве, на саммите стран «Большой восьмерки», было принято «Хартию глобального информационного общества» [17], в которой понятие «цифровое неравенство» впервые было введено в мировом контексте, а доступность информационных технологий для людей во всем мире провозглашалась основополагающим принципом, а для решения проблемы преодоления цифрового неравенства на международном уровне была создана комиссия

«Digital Opportunity Task Force», задачей которой стал поиск возможностей преодоления разрыва разных стран в доступе к информации и знаниям.

Кроме того, в США была разработана программа по преодолению глобального информационного разрыва, в которой приняли участие ведущие американские компании, работающие в сфере информационных технологий, чтобы оказывать технологическую помощь странам и регионам, в которых остро ощущаются проблемы цифрового неравенства, в частности, Индия, Корея, Филиппины, Колумбия и Южная Африка.

По мнению экспертов [18], основными препятствиями на пути широкого использования информационных технологий в любом государстве являются: низкая активность правительственных структур в сфере развития сети Интернет на государственном уровне; неупорядоченное законодательное поле; неадекватная и непомерно дорога телекоммуникационная инфраструктура; высокая стоимость услуг интернет-провайдеров; низкий уровень жизни граждан. На Всемирном саммите ООН по информационному обществу (WSIS) в декабре 2003 года по инициативе большинства стран-участниц третьего мира была принята декларация, которая призывала западные страны сделать все, чтобы преодолеть «цифровое неравенство» до 2012 года [18]. Однако, ведущие европейские страны и Япония, даже не делегировали на саммит своих официальных представителей.

В декларации утверждалось, что цифровое неравенство проявляется не только в форме ограничения доступа к ИКТ из-за низкого экономического развития страны, но и через ограничение доступа населения к сети Интернет в отдельных странах мира. Например, контроль над доступом к сети Интернет и жесткая цензура контента информационных сообщений осуществляется в таких странах как Китай, Куба, Саудовская Аравия, Вьетнам, Сирия, Тунис. Сеть Интернет рассматривается как угроза национальной безопасности, поэтому в Северной Корее, Лаосе и Бирме запрещено использовать всемирную сеть, к которой в этих странах имеют доступ только элитные круги, связанные с правительственными структурами. Хотя, и в государствах

с демократическими режимами, также происходит рост степени контроля за данными, размещенными в сети Интернет и установление правил управления ИТ-сектором, что связано с необходимостью предотвращения совершения террористических атак в мире.

Таким образом, на уровне мирового сообщества необходимо разработать и реализовать стратегию развития электронной демократии и электронного управления для расширения отношений между государством и гражданами, оказанию государственных услуг в он-лайн или автономном режиме с обязательным соблюдением всех прав и свобод человека, а в основе этих процессов должно находиться медиа образование как один из главных методов преодоления цифрового неравенства. Выполнению указанных выше мер может способствовать деятельность Форума по вопросам управления Интернетом (IGF) и организации «Европейский диалог по вопросам управления Интернетом» (EuroDIG), которые являются примером успешного механизма многостороннего обсуждения вопросов, связанных с управлением Интернетом на местном и региональном уровне. Для преодоления цифрового неравенства необходимо, чтобы государство привлекало коммерческие структуры к единой программе использования ИКТ для получения социальных благ, в частности, необходимо широко внедрять сетевую инфраструктуру; модернизировать телекоммуникационный сектор; поддерживать развитие экономики с помощью мобильных технологий.

На современном этапе государственными органами разных стран мира предпринимаются шаги в направлении преодоления имеющихся кризисных явлений в данной сфере (увеличение возможностей для всех граждан получить базовое информационное образование, принятие комплексных государственных программ в сфере информатизации, внедрение информационных технологий в органах государственной власти и модернизация коммуникативного канала «государство - граждане»), однако часто они происходят либо не последовательно, либо не получают достаточного бюджетного финансирования, либо связанные с социальными

факторами. При этом необходимо учитывать, что новые коммуникационные технологии, в частности - сеть Интернет, позволяют создать нужное количество мест общественной активности с минимальными финансовыми затратами, для постепенной выработки общих подходов к проблемным вопросам, хотя следует отметить определенные положительные тенденции в сфере преодоления технологических измерений цифрового неравенства.

Литература

1. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 28.
2. Сіленко А. Соціально-політичні наслідки інформаційної революції // Політичний менеджмент. - 2005. - № 5 (14). - С.61-74
3. Вайнштейн Г. Интернет как фактор общественных трансформаций // Мировая экономика и международные отношения. – 2002. - №7. – С. 22.
4. Toffler A. The third wave. N.Y., 1980. – P. 46 - 58.
5. Thurow L. Creating Wealth. The New Rules for Individuals. Companies and Countries in a Knowledge-Based Economy. N.Y., 1999. – P. XV.
6. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. – М., Academia, 1999. – С. 288.
7. Гор А. Земля на чаше весов. В поисках новой общей цели / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 567.
8. Мельянцева В. Информационная революция – феномен «новой экономики» // МЭ и МО. – 2001. – №2. – С. 3.
9. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и созидание благосостояния / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 132.
10. Каннингэм С. и Портер А. Сетевые средства связи: двенадцать способов изменить нашу жизнь // Впереди XXI век. Антология современной классической прогностики. – М.: Academia, 2000. – С. 96.
11. Jarvis P. Globalization, Lifelong, Learning and the Learning Society Routledge, 2006.- 256 p.
12. Leydesdorff L. A Sociological Theory of Communication: The Self-Organization of the Knowledge-Based Society.- Universal Publishers, 2001.- 359 p.

13. Пугачев В. П., Соловьев А. И. Введение в политологию. – М.: Аспект Пресс, 1998. – С. 425.

14. Пильцер П. Безграничное богатство. Теория и практика экономической алхимии / Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С. 417.

15. Пугачев В. П. Информационно-финансовый тоталитаризм: российский эксперимент по американскому сценарию. – Вестник МГУ, сер.12: Политические науки. – 1999. - №4.

16. Коротков А. В. Преодоление цифрового неравенства как информационная стратегия современного общества: Дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 : Москва, 2003 203 с. РГБ ОД, 61:04-10/3-5

17. Окинавская Хартия глобального информационного общества, 2000 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.iis.ru/library/okinawa/charter.ru.html>

18. Declaration «Filling the «Democratic digital divide» // Document WSIS/PC-2/CONTR/51-E, 6 January 2003. – 5 p.